

ВРАЧЪ-ПСИХІАТРЪ

ВЪ РОЛИ ЭКСПЕРТА НА СУДЪ.

Б. И. Воротынского

Приватъ-доцента Казанскаго Университета.

Рѣчъ, произнесенная 31 января 1899 года въ годичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета
1899.

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Н. Поповъ.

Mm. г-ни и Mm. г-ри!

Въ каждой наукѣ, во всякий періодъ ея развитія, всегда можно найти цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ, которые въ данный моментъ стоятъ, такъ сказать, на очереди и ждуть своего окончательного разрѣшенія. Особенно много такихъ вопросовъ возникаетъ въ то время, когда известная наука вступаетъ въ новый періодъ своего развитія, когда намѣчаются новые пути въ ея поступательномъ движеніи, выдвигаются новыя теоріи, предлагаются новые методы изслѣдованія. Въ такомъ случаѣ обиліе спорныхъ вопросовъ, выступающихъ на сцену, указываетъ только на то, что прежнія положенія, господствовавшія въ наукѣ, сдѣлались несостоительными, существовавшіе взгляды отжившими, старыя теоріи—шаткими, непригодными. Извѣстная степень оживленія въ научной разработкѣ наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ, замѣтная страсть при ихъ обсужденіи и рѣшеніи, обычна при этомъ увлеченіи и ошибки—все это достаточно характеризуетъ каждое новое направлѣніе въ наукѣ, все это наблюдается при возникновеніи каждой новой школы.

Однако, первоначальныя ошибки и заблужденія, возникающіе споры и разногласія не служатъ еще показателемъ непригодности данного нового направлѣнія и не могутъ еще подрывать его научнаго значенія, такъ какъ мы знаемъ, что первые результаты, добытые съ помощью новыхъ методовъ изслѣдованія, рѣдко бывають окончательными, а обычно при дальнѣйшихъ промѣрочныхъ излѣдованіяхъ подвергаются измѣненіямъ и исправленіямъ, перерабатываются и дополняются. Плодотворность и устойчивость каждого нового направлѣнія

въ наукѣ стоитъ въ прямой зависимости отъ правильности самого метода изслѣдованія. Разъ методъ изслѣдованія вѣренъ, точенъ и прочно обоснованъ, мы всегда и съ первыхъ же шаговъ можемъ опредѣлить и предсказать, насколько новое направление окажется полезнымъ и продуктивнымъ, насколько оно можетъ способствовать прогрессивному развитію данной науки. А въ области положительныхъ наукъ выборъ правильного метода изслѣдованія имѣть особенно важное значеніе.

Я позволилъ себѣ предпослать здѣсь эти замѣчанія въ виду того, что въ настоящее время и въ судебной психопатологіи возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые должны быть разсмотрѣны съ иныхъ точекъ зрењія, должны вновь подвергнуться всестороннему обсужденію примѣнительно къ современнымъ требованіямъ жизни и при помощи новыхъ методовъ изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что не такъ давно появившееся и уже достаточно упрочившееся новое направленіе въ наукѣ уголовнаго права естественнымъ образомъ должно было коснуться также и судебной психопатологіи. Это новое направление создало уже цѣлую школу антропологовъ-позитивистовъ, которые своими изслѣдованіями въ значительной степени способствовали успешному сближенію медицины съ юриспруденціей на почвѣ изученія „преступнаго человѣка“. Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ юристы стали больше интересоваться судебнно-медицинскими вопросами, въ особенности судебнно-психiatрическими, то весьма понятно, что вопросъ о психiatрической экспертизѣ, какъ вопросъ спорный и въ то же время практически очень важный, не могъ не подвергнуться вновь детальному разсмотрѣнію, не могъ не обратить на себя вниманія представителей новой школы.

Дѣйствительно, вопросъ о психiatрической экспертизѣ, имѣющій близкое отношеніе къ юриспруденціи и особенно интересующій криминалистовъ, за послѣднее десятилѣтіе замѣтно выдвинулся и сталъ горячо обсуждаться съ различныхъ точекъ зрењія. Въ Россіи (на съѣздахъ и въ ученыхъ обществахъ)

этотъ вопросъ также подвергался оживленнымъ дебатамъ. Для нась всестороннее обсужденіе вопроса о психіатрической экспертизѣ въ настоящее время имѣть еще то исключительно важное значеніе, что въ виду проекта новыхъ уставовъ является весьма желательнымъ, чтобы въ пересмотрѣнныхъ законахъ нашли себѣ мѣсто тѣ выводы и положенія, которые выработаны и установлены современчной наукой.

Имѣя въ виду эти соображенія, а также желая высказаться по одному изъ самыхъ важныхъ въ практическомъ отношеніи судебнo-медицинскихъ вопросовъ, я и беру на себя смѣлость въ сегодняшнемъ засѣданіи остановить ненадолго вниманіе высокочтимаго собранія и попрошу снисходительно выслушать нѣкоторыя соображенія, которыя могутъ служить къ выясненію и правильному пониманію той роли, какую въ настоящее время призванъ играть врачъ психіатръ на судѣ, являясь въ качествѣ эксперта; вмѣстѣ съ этимъ я постараюсь указать на существующіе недостатки въ постановкѣ у нась психіатрической экспертизы и на желательныя въ этомъ отношеніи реформы, при наличности тѣхъ данныхъ, которыя добыты въ новѣйшее время уголовной антропологіей.

Правильное разрѣшеніе вопроса о психіатрической экспертизѣ несомнѣнно имѣть громадное значеніе для судебной практики. Разнообразныя патологическія явленія въ жизни современного общества настойчиво указываютъ на необходимость возможно полнаго и глубокаго изученія какъ здоровой, такъ въ особенности больной души человѣка. Никто теперь не будетъ оспаривать той выдающейся роли, какую пріобрѣла психіатрія въ наукѣ и въ жизни. Новѣйшіе выводы психіатріи дали толчокъ къ возникновенію настоящаго столь плодотворнаго позитивнаго направлениія въ наукѣ уголовнаго права и легли въ основаніе новыхъ гуманныхъ теорій въ области этой науки. Многія положенія, заимствованыя изъ ученія о душевныхъ болѣзняхъ, способствовали правильной постановкѣ нѣкоторыхъ сложныхъ философскихъ вопросовъ и наиболѣе удачному разрѣшенію самыхъ запутанныхъ проблемъ изъ об-

ласти психології. Да это и понятно, такъ какъ всѣ психіатрическіе принципы взяты изъ практики, собраны въ школѣ жизни, откуда „раздаются жалобы и страданія, несчастія и вопли, зазыванія и стоны“. Недаромъ еще старые авторы говорили, что „только тотъ, кто знаетъ сумасшествіе, знаетъ и человѣка“.

Само собою разумѣется, что наиболѣе трудными вопросами, съ которыми психіатру приходится встрѣчаться на судѣ, являются тѣ, когда необходимо точно распознать, правильно оцѣнить и доказать другимъ существованіе у обвиняемаго неясныхъ признаковъ душевнаго разстройства, скрытыхъ болѣзнейшихъ симптомовъ, тонкихъ уклоненій отъ нормальной психической дѣятельности. Несомнѣнно, что рѣзко выраженные, типичныя формы помѣшательства, которыя являются очевидными для профана и вполнѣ убѣдительными для судьи, не могутъ возбуждать на судѣ никакихъ недоразумѣній. Для психіатра, выступающаго экспертомъ на судѣ, трудную задачу представляютъ лишь сомнительныя душевныя состоянія, которыя вызываютъ большія разногласія между судьями, присяжными, а подчасъ даже между самими экспертами. Но именно такие тонкие виды душевнаго разстройства и должны въ научномъ отношеніи особенно интересовать всякаго истинно-образованнаго психіатра, анализъ такихъ случаевъ и долженъ главнымъ образомъ составлять задачу психіатрической экспертизы, какъ научнаго акта.

Къ сожалѣнію, благодаря неправильнымъ взглядамъ на экспертизу, установившимся въ судебной практикѣ, а также въ виду крупныхъ недостатковъ въ существующихъ у насъ законоположеніяхъ о душевно-больныхъ психіатру на судѣ приходится встрѣчаться съ цѣлымъ рядомъ препятствій, затрудняющихъ правильное разрѣшеніе судебнно-психіатрическихъ вопросовъ, приходится сталкиваться съ массою такихъ неблагопріятныхъ условій, которыя дѣлаютъ психіатрическую экспертизу неполной, ненаучной, а потому часто неудовлетворительной.

Въ литературѣ, особенно иностранной, высказывалось много разнорѣчивыхъ взглядовъ на экспертизу вообще и въ частности на психіатрическую. Врачи и юристы по этому вопросу долго и много спорили и однако до сихъ поръ еще не пришли къ окончательному выводу: юридическая понятія обѣ экспертизъ слишкомъ рѣзко расходятся съ понятіями медицинскими.

Существуетъ три главныхъ воззрѣнія на роль и значеніе экспертизы вообще.

Согласно первому воззрѣнію экспертизу считаютъ совершенно особеннымъ и самостоятельнымъ видомъ доказательства на судѣ. По второму воззрѣнію экспертиза не представляетъ собою самостоятельного вида доказательства, а приравнивается къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Представители третьаго воззрѣнія смотрятъ на экспертизу не какъ на судебное доказательство, а считаютъ экспертовъ судьями фактovъ, *judices facti*.

Постараемся разобрать эти три основныхъ воззрѣнія, имѣя при этомъ постоянно въ виду по преимуществу психіатрическую экспертизу.

Первый и второй взгляды на экспертизу, по моему мнѣнію, основаны на недоразумѣніи, на неправильной постановѣ вопроса, и потому легко могутъ быть опровергнуты, особенно по отношенію къ психіатрической экспертизѣ. По этому по-виду совершенно справедливо разсуждаетъ проф. Владимировъ¹⁾, доказывая несостоятельность двухъ первыхъ вышеупомянутыхъ воззрѣній. Проф. Владимировъ указываетъ на то, что въ широкомъ смыслѣ слова медицинская экспертиза, пожалуй, можетъ считаться доказательствомъ, такъ какъ она всегда или подтверждаетъ какіе либо факты, возникающіе на судѣ, или отрицаетъ ихъ; но въ тѣсномъ смыслѣ слова экспертиза не есть доказательство,—она не есть доказательство въ томъ

---

¹⁾ Л. Владимировъ. О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Спб. 1870.

смыслѣ, какой установился за этимъ терминомъ въ судебнѣй практикѣ и какой придаются этому понятію юристы.

Если мы вникнемъ въ сущность психиатрической экспертизы, то несомнѣнно найдемъ здѣсь такие элементы, которые совершенно противорѣчатъ понятію доказательства въ юридическомъ смыслѣ. Съ понятіемъ доказательства юристы обыкновенно соединяютъ обстоятельства дѣла, имѣющія то или другое отношеніе къ данному судебному процессу, или свидѣтельскія показанія, такъ или иначе трактующія о данномъ противозаконномъ дѣйствіи, къ которому свидѣтельствующіе случайно имѣли какое либо касательство. Совсѣмъ другое представляютъ собою показанія врача-эксперта: онъ не свидѣтель фактовъ, онъ не подтверждаетъ и не отрицаетъ обстоятельства дѣла—онъ только принимаетъ во вниманіе эти обстоятельства, разбираетъ ихъ, словомъ—анализируетъ факты, чтобы затѣмъ высказать свое мотивированное заключеніе. Отсюда слѣдуетъ, что экспертиза не доказательство, а сужденіе о доказательствахъ, умозаключеніе, сдѣланное на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ.

Такимъ образомъ, роль эксперта на судѣ существенно отличается отъ роли свидѣтеля. Это различіе особенно хорошо и вѣрно устанавливаетъ Фостэнъ-Эли¹⁾; онъ говоритъ: „свидѣтели и эксперты отправляютъ двѣ совершенно различные функции, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы. Свидѣтелей создаетъ само преступленіе; они призываются на судѣ не по чьей либо волѣ, произвольно, а самыми обстоятельствами, приведшими ихъ туда, где совершено было преступленіе, или поставившими ихъ въ какія либо отношенія съ подсудимымъ. Ихъ дѣло на судѣ изложить только факты, видѣнныя или вообще имъ известны. Напротивъ, экспертъ выбирается судьею; приглашеніе того или другого эксперта—произвольно, не обусловлено обстоятельствами дѣла. На судѣ они не излагаютъ фактовъ, видѣнныхъ или случайно

---

¹⁾ Цит. по Владимирову, I. c.

узнанныхъ, а даютъ судъѣ спеціальныя свѣдѣнія, которыми обладаютъ, изслѣдуютъ и оцѣниваютъ факты, поручаемые имъ для этой цѣли правосудіемъ, и объявляютъ свое мнѣніе, сужденіе о нихъ". Далѣе, существенное различіе заключается еще въ томъ, что свидѣтели отвѣчаютъ за свои показанія: если послѣднія не истинны, они подлежать наказанію за ложное свидѣтельство; эксперты же за свое заключеніе отвѣчаютъ лишь передъ судомъ своей совѣсти. А нельзя не признать, что этотъ судъ, судъ передъ своей совѣстью, и надежнѣе, и страшнѣе, и дѣйствительнѣе всякаго другого суда. Экспертъ-психіатръ, давая свое заключеніе о душевномъ состояніи подсудимаго, всегда твердо помнитъ, какую трудную и отвѣтственную роль онъ беретъ на себя, какія послѣдствія можетъ вызвать его мнѣніе о психической дѣятельности данного лица. На этомъ основаніи психіатръ не можетъ внести въ свою экспертизу ничего произвольнаго, проблематичнаго, гадательнаго: онъ высказываетъ только то, въ чемъ хорошо убѣдился на основаніи своего изслѣдованія, что подсказываютъ ему его спеціальные знанія, что диктуется наукой.

Такимъ образомъ, критический разборъ первыхъ двухъ воззрѣній на экспертизу привелъ насъ къ выводу, что эксперты должны являться на судъ судьями фактовъ, *judices facti*. Этотъ нашъ выводъ какъ разъ совпадаетъ съ мнѣніемъ представителей третьяго воззрѣнія на экспертизу. Я лично стою на сторонѣ именно этого воззрѣнія и полагаю, что такой взглядъ на сущность экспертизы вообще, а тѣмъ болѣе психіатрической, только и можетъ выдержать строго научную критику и вполнѣ отвѣчать задачамъ правосудія. Только при томъ условіи, если на эксперта будуть смотрѣть, какъ на судью фактовъ, мы, врачи, являясь на судѣ, будемъ имѣть возможность согласовать основные психіатрические принципы, установленные современной наукой, съ требованіями закона, а слѣдовательно и съ требованіями, предъявляемыми намъ судебнymi властями.

Судья для открытия истины пользуется всеми возможными средствами, всеми необходимыми для его цели данными: обстоятельствами дела, осмотромъ, допросомъ свидѣтелей, разсмотрѣніемъ относящихся къ дѣлу документовъ и проч. Равнымъ образомъ и психіатръ-экспертъ для правильнаго опредѣленія душевнаго состоянія обвиняемаго долженъ имѣть право пользоваться всеми тѣми данными, которыя могутъ служить къ открытию истины. Вѣдь мы должны согласиться, что въ исполненіи этого требованія столько же заинтересованъ и самъ судья, который, призвавъ себѣ помощника для разрѣшенія специального вопроса, въ силу этого уже долженъ поставить его въ соотвѣтствующія условія, чтобы имѣть затѣмъ право требовать отъ психіатра основательной и полной экспертизы, на основаніи которой судъ могъ бы правильно примѣнить законъ къ данному лицу. Мнѣніе врача-психіатра о состояніи душевныхъ способностей подсудимаго только тогда будетъ вполнѣ научнымъ, когда оно основано на изученіи всей жизни данного лица, на анализѣ его поведенія до, во время и послѣ совершеннія преступленія.

Вѣдь и сами юристы (Mittermayr) соглашаются съ тѣмъ, что „наилучшимъ образцомъ для способа дѣйствія эксперта, занимающагося испытаніемъ умственныхъ способностей подсудимаго, можетъ служить способъ дѣйствій, котораго держится опытный врачъ дома умалишенныхъ при изслѣдованіи душевнаго состоянія больного во время приема его въ это заведеніе“. А если это такъ, то врачу-психіатру должна быть предоставлена возможно полная свобода при производствѣ имъ экспертизы. Представители суда, при тѣхъ широкихъ полномочіяхъ, какія даны имъ закономъ, всегда сумѣютъ и найдутъ возможность поставить эксперта въ соотвѣтствующія условія для полученія наиболѣе надежныхъ результатовъ, какъ только они усвоять вполнѣ научный и правильный взглядъ на психіатрическую экспертизу.

Роль психіатра на судѣ въ значительной степени осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что сама по себѣ психіатрическая

хіатрическая экспертиза имѣть свои исключительные особенности, опѣнить которыха надлежащимъ образомъ можетъ только лицо, хорошо знакомое съ учениемъ о душевныхъ болѣзняхъ. Несмотря на то, что представители суда, какъ учить наль ежедневный опытъ, сталкиваясь въ своей судебной практикѣ съ психіатрическими вопросами, сплошь и рядомъ обнаруживаютъ очевидное незнаніе основъ психіатріи, они тѣмъ не менѣе въ соотвѣтствующихъ случаяхъ твердо отстаиваютъ свои права и доказываютъ, что только они, и они одни, могутъ и должны решать вопросы о способности ко вмѣненію.

Такимъ образомъ, вопросъ о способности ко вмѣненію какъ будто изъемляется изъ вѣдѣнія медицины и становится чисто юридическимъ вопросомъ. Такой взглядъ, по крайней мѣрѣ, установился въ нашей судебной практикѣ и, къ сожалѣнію, поддерживается даже нѣкоторыми психіатрами и судебными врачами. Однако, подобный взглядъ, по моему мнѣнію, представляется недостаточно обоснованнымъ и на практикѣ ведетъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ.

Здѣсь очевиднымъ образомъ произошло смѣшеніе понятій вслѣдствіе отождествленія двухъ различныхъ терминовъ, а именно: способность ко вмѣненію и вмѣненіе. Терминъ „способность ко вмѣненію“ представляетъ собою лишь юридическую формулу для обозначенія извѣстнаго душевного состоянія данного субъекта, а „вмѣненіе“ есть ничто иное, какъ чисто юридический актъ, т. е. заключеніе суда о признаніи данного лица виновнымъ и назначеніе ему соотвѣтствующаго наказанія. Отсюда видно, что понятія „способность ко вмѣненію“ и „вмѣненіе“ далеко не тождественны. Если мы признаемъ данного субъекта способнымъ ко вмѣненію, то этимъ самымъ указываемъ на то, что состояніе его умственныхъ способностей вполнѣ позволяетъ примѣнить къ нему извѣстное наказаніе. Несомнѣнно, что опредѣленіе состоянія душевной дѣятельности есть чисто медицинскій актъ, и слѣдовательно решеніе вопроса о способности ко вмѣненію должно лежать исключительно на обязанности эксперта-психіатра.

Изъ русскихъ психіатровъ этотъ взглѣдъ уже давно защищалъ проф. Фрезе, а въ послѣднее время его горячо отстаиваетъ д-ръ Сербскій¹⁾). Изъ юристовъ такого же мнѣнія держится Д. А. Дриль и проф. Владимировъ. Особенno убѣдительно доказываетъ правильность и основательность такого взгляда на роль психіатра-эксперта проф. Фрезе въ своей „Судебной психологіи“. „Определеніе способа и мѣры наказанія,—говорить онъ,—сообразно съ обстоятельствами дѣла вполнѣ принадлежитъ суду. Никто и не сомнѣвается въ томъ, что вмѣненіе составляется собою юридической актъ, оканчивающейся приговоромъ или освобожденіемъ отъ суда обвиняемаго. Но изъ того, что судъ вмѣняетъ, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы онъ также опредѣлялъ способность ко вмѣненію. Понятія „определеніе способности ко вмѣненію“ и „вмѣненіе кому либо дѣянія въ вину“ нисколько не совпадаютъ одно съ другимъ уже потому, что способность ко вмѣненію есть известное душевное состояніе данного лица, а вмѣненіе состоитъ въ умственномъ актѣ представителей суда. Для того, чтобы судъ могъ вмѣнять или не вмѣнять, предварительно требуется определеніе способности ко вмѣненію заинтересованного лица. Способность ко вмѣненію—это фактическое обстоятельство, которое должно быть уже признано, для того чтобы приступить ко вмѣненію“.

Разъ мы признали, что решеніе вопроса о способности ко вмѣненію подсудимаго должно принадлежать эксперту-психіатру, мы тѣмъ самымъ высказали наше отношеніе къ другому очень важному въ практическомъ отношеніи вопросу, а именно къ вопросу объ обязательности мнѣнія экспертовъ для суда.

Въ самомъ дѣлѣ: психіатръ - экспертъ, какъ научный судья фактъ, даетъ свое заключеніе о душевной дѣятельности данного лица на основаніи тщательного изученія всей его личности; несомнѣнно, что для такого изслѣдованія необходимы специальная свѣдѣнія, которыми можетъ обладать

¹⁾ Судебная психопатологія. Москва, 1895.

только врачъ. Отсюда должно быть очевиднымъ, что критиковатъ, оцѣнивать или провѣрять научное мнѣніе эксперта можетъ лишь такое же свѣдущее лицо, или еще болѣе опытное и компетентное, но никоимъ образомъ не судья. Вполнѣ правъ Д. А. Дриль, заявляя по этому поводу слѣдующее: „Судъ, призывая экспертовъ, тѣмъ самимъ самъ расписывается въ своей некомпетентности решить подлежащій вопросъ по недостатку необходимыхъ для того знаній. Какъ же можетъ послѣ этого судъ оцѣнивать и провѣрять мнѣніе экспертовъ, принимать или отвергать его? Если у него прежде не было необходимыхъ знаній, то у него нѣтъ ихъ и теперь. Мнѣніе экспертовъ должно быть обязательнымъ для суда“¹⁾.

Мнѣ думается, что приведеннымъ соображеніямъ нельзя отказать въ достаточной убѣдительности, и потому для меня лично представляется непонятнымъ, почему до сихъ поръ еще приходится встрѣчать такъ много противниковъ этого положенія. Казалось бы, для всѣхъ должно быть очевиднымъ, что суду, прежде чѣмъ решать вопросъ о вмѣненіи обвиняемому въ вину содѣяннаго, слѣдуетъ удостовѣриться, подлежитъ ли данное лицо его вѣданію, т. е. вмѣняемо ли оно, такъ какъ вмѣняемость, въ юридическомъ смыслѣ, есть психологическая возможность примѣненія уголовныхъ законовъ. А этотъ вопросъ, т. е. вопросъ о способности ко вмѣненію, какъ мы старались доказать выше, всецѣло принадлежитъ вѣданію медицины. Въ этомъ случаѣ экспертъ совсѣмъ не вторгается въ область юриспруденціи, какъ утверждаютъ некоторые: онъ решаетъ здѣсь специальнѣо медицинскѣй вопросъ относительно того, существовало ли у подсудимаго душевное разстройство и можно ли это разстройство поставить въ связь съ совершеннымъ преступленiemъ. „Разъ этотъ фактическій медицинскѣй вопросъ будетъ решенъ утвердительно,—говорить Дриль,— остальная часть сложнаго вопроса объ уголовной виновности будетъ решена уже закономъ, который скажетъ, что здѣсь

---

¹⁾ Труды V съѣзда русскихъ врачей.

нѣть мѣста уголовному вмѣненію. Суду послѣ этого, очевидно, будетъ дѣлать нечего. Ему останется только постановить о передачѣ обвиняемаго въ вѣдѣніе медицины“.

Отстаивая обязательность для суда мнѣнія психіатра-эксперта, я далекъ отъ мысли считать психіатрическую экспертизу, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, вполнѣ безукоризненной. Напротивъ, принимая во вниманіе недостаточность нашихъ свѣдѣній по физіологии и патологіи центральной нервной системы, а также ограниченность нашихъ знаній о душевныхъ отправленіяхъ, необходимо согласиться съ тѣмъ, что психіатру въ его судебнно-медицинской практикѣ иногда приходится прибѣгать къ эмпірически-психологическому методу. Однако тотъ фактъ, что и въ настоящее время психіатръ можетъ точно діагносцировать многія душевныя заболѣванія, нерѣзко выраженные, въ состояніи опредѣленно высказаться о характерѣ страданія и сдѣлать вѣрное предсказаніе о теченіи и обѣ исходѣ болѣзни,—уже этотъ фактъ, повторяю, обязываетъ судъ съ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ психіатрической экспертизѣ.

Если же въ судебнно-медицинской практикѣ встрѣчаются иногда такие случаи, когда даже опытный спеціалистъ становится въ затрудненіе и не рѣшается съ опредѣленностью высказаться о состоянії умственной дѣятельности подсудимаго, то это еще нисколько не доказываетъ, что психіатрическая экспертиза вообще неудовлетворительна и что довѣрять ей нельзя. Такіе факты указываютъ лишь на трудность и сложность психіатрической экспертизы. Вѣдь здоровье и нездоровье—очень растяжимыя понятія; въ особенности трудно опредѣлять границы душевнаго здоровья. А между тѣмъ психіатру на судѣ весьма нерѣдко приходится давать заключеніе о такихъ субъектахъ, которые въ предыдущей жизни только обращали на себя вниманіе общества оригинальностью и эксцентричностью своихъ поступковъ, кототые при этомъ считались даже за талантливыхъ и выдающихся людей, но кототые въ то же время носили на себѣ печать болѣзненнаго темпера-

мента, обнаруживали много недочетовъ въ сферѣ чувства и вообще крупныя аномаліи психо-нервной организаціи. Такіе субъекты при извѣстныхъ условіяхъ могутъ совершать наказуемые закономъ поступки, за каковые однако они иногда не должны подлежать отвѣтственности, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія.

Въ подобныхъ случаяхъ эксперту приходится рѣшать трудную задачу: ему нужно произвести глубокій психологіческій анализъ личности для рѣшенія вопроса, не перешагнулъ ли такой субъектъ за границу нормального умственного здоровья. „Опять учить,—говоритъ великий французскій психіатръ Морель,—что кромѣ душевныхъ болѣзней собственно, какъ ихъ описываютъ въ книгахъ, наблюдаютъ въ сумасшедшіхъ домахъ и понимаютъ въ общежитіи, совершаются множество поступковъ, которые своей странностью, опаснымъ характеромъ и неестественностью причиняютъ судебнай совѣсти мучительныя затрудненія“¹⁾). Въ такихъ случаяхъ иногда и наука не рѣшается произнести своего окончательного сужденія о томъ, имѣется ли тутъ душевная болѣзнь или нѣтъ. Но такъ какъ мнѣніе психіатра и въ этихъ случаяхъ должно служить основаніемъ для судей и присяжныхъ при окончательномъ рѣшеніи участіи подсудимаго, то психіатрическая экспертиза всегда обязана подробно разобрать и выяснить все характеристическая особенности душевной жизни данного лица, чтобы изъ такого анализа судъ могъ съ достаточной ясностью представить себѣ, насколько обвиняемый уклонялся отъ нормального состоянія умственныхъ способностей, „сколько у него было возможности и поводовъ ненормально чувствовать, думать, желать и дѣйствовать“. Судья въ каждомъ отдельномъ случаѣ можетъ предлагать эксперту болѣе конкретные вопросы и формулировать ихъ по своему усмотрѣнію—это его законное право; но психіатръ, не имѣя возможности

¹⁾ См. Dr. K. Лиманъ. Сомнительныя душевныя состоянія передъ судомъ.—Перев. съ нѣм. Спб. 1871.

высказаться болѣе определенно, всегда долженъ отвѣтить на предлагаемые ему на судѣ вопросы по своему крайнему разумѣнію— это его естественное право. Мнѣніе эксперта не можетъ нисколько стѣснять судью, такъ какъ оно для него по закону не обязательно и судья можетъ не соглашаться съ выводомъ экспертизы, постановляя приговоръ по своему внутреннему убѣждѣнію. Однако это нисколько не говоритъ за правильность и вѣрность того взгляда, будто бы „убѣженіе судьи выше, чѣмъ совѣсть врача“.

Нужно имѣть еще въ виду, что врачу-психiatру, по особенностямъ его специальности, какъ въ ежедневной практической дѣятельности, такъ равно и въ роли эксперта на судѣ, нерѣдко приходится считаться съ различного рода общественными предубѣждѣніями, со всевозможными посторонними вліяніями. Каждый знаетъ, какъ подозрительно относится общество къ заключеніямъ психiatровъ, какъ скептически оно смотритъ на психиатрическую экспертизу. Несмотря на то, что общественное мнѣніе въ большинствѣ случаевъ стоитъ на сторонѣ обвиняемыхъ и что вообще общество всегда склонно снисходительно и съ сожалѣніемъ относиться къ личности преступника, тѣмъ не менѣе почти въ каждомъ случаѣ, когда психiatръ-экспертъ высказываетъ на судѣ въ пользу обвиняемаго, признавая его ненормальнымъ и потому невмѣняемымъ, то же общественное мнѣніе сейчасъ же измѣняетъ своему обычному настроенію, становится въ оппозицію и обвиняетъ врачей въ томъ, что они всѣхъ заподозрѣнныхъ склонны признавать душевно-больными. Само собою разумѣется, что научная экспертиза должна оставаться глухой къ голосу общественного мнѣнія, и психiatръ обязанъ лишь прислушиваться къ голосу своей совѣсти, слѣдовать указаніямъ науки. Тѣмъ не менѣе въ некоторыхъ случаяхъ психiatру необходимо имѣть большой запасъ гражданского мужества, чтобы при производствѣ экспертизы отрѣшиться отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, идти наперекоръ общественному мнѣнію и

вести на судъ трудную и неравную борьбу съ установившимися ложными взглядами на душевных болѣзни.

Остановившись болѣе подробно на роли психиатра-эксперта въ уголовномъ судѣ, мы уже не придется много говорить о психиатрической экспертизѣ въ дѣлахъ гражданскихъ. Существующій у насъ по настоящее время порядокъ освидѣтельствованія признанъ уже всѣми, какъ юристами, такъ и психиатрами, совершенно неудовлетворительнымъ. Этотъ порядокъ въ общихъ чертахъ установленъ еще именнымъ указомъ Петра I въ 1722 году.

Нужно однако имѣть въ виду, что въ то время этотъ указъ преслѣдовалъ специальныя цѣли. Извѣстно, что многія нововведенія великаго преобразователя Россіи не встрѣчали сочувствія въ обществѣ и особенно среди дворянъ, которые, между прочимъ, систематически уклонялись отъ введенной Петромъ I обязательной государственной повинности. Не желая отдавать въ службу своихъ сыновей, дворяне обыкновенно доносили въ сенатъ, что ихъ недоросли на годятся для службы, что ихъ нельзя ничему научить, такъ какъ они дураки отъ рожденія. Подобная заявленія поступали такъ часто, что нельзя было не заподозрить въ этомъ систематического обмана. Желая прекратить это намѣренное и незаконное уклоненіе отъ обязанностей службы, Петръ Великій издалъ указъ, въ которомъ повелѣлъ о дуракахъ „подавать извѣстіе въ сенатъ, а въ сенатъ свидѣтельствовать“, причемъ самый способъ освидѣтельствованія предписанъ слѣдующій: „сенату спрашивать ихъ предъ собою о всякомъ домовомъ состояніи, какъ бы можно умному человѣку отвѣтъ въ томъ учинить, и ежели по вопросу отповѣди учинить не можетъ, а станетъ иначе о томъ говорить, что можно изъ того дурачество познать“.

Указы Петра Великаго касались только дураковъ, т. е. слабоумныхъ отъ рожденія, и примѣнялись на практикѣ около столѣтія. Послѣдующимъ указомъ сената въ 1815 г. установлено различие въ освидѣтельствованіи между безумными и сумат-

сшедшими, при чём первые попрежнему должны были высыпаться для освидѣтельствованія въ Сенатъ, а вторые стали свидѣтельствовать на мѣстѣ. Освидѣтельствованіе этихъ послѣднихъ производилось черезъ Врачебную Управу и затѣмъ о результатахъ дѣлалось донесеніе въ Сенатъ, чтѣ предписывалось слѣдующими словами указа: „... и когда по свидѣтельству сему сумасшествіе признано будетъ несомнительнымъ, тогда съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ представлять Правительствующему Сенату на его заключеніе“. Съ 1835 года, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственного Совѣта, не только сумасшедши, но также и безумные отъ рожденія стали свидѣтельствовать въ губернскихъ городахъ на одинаковыхъ основаніяхъ.

Такой порядокъ освидѣтельствованія душевно-больныхъ практикуется у насъ до настоящаго времени и самый способъ освидѣтельствованія носить тотъ же первоначальный характеръ, который былъ установленъ еще Петромъ I. Объ этомъ такъ гласитъ ст. 373, X т.: „Освидѣтельствованіе заключается въ строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на предлагаемые вопросы до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся. Какъ вопросы сіи, такъ и объясненія на оные записываются въ составляемый по сему случаю актъ“. Этотъ актъ представляется затѣмъ на заключеніе Сената.

Такимъ образомъ, на основаніи постановленного акта, съ приведенiemъ отвѣтовъ свидѣтельствуемаго на вопросы, „до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся“, Сенатъ заочно решаетъ, долженъ ли человѣкъ быть признанъ сумасшедшимъ или нѣть. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, и это признано уже всѣми, что такой порядокъ формального освидѣтельствованія душевно-больныхъ не соответствуетъ требованіямъ науки и опыта.

Изъ всего изложенного мы видѣли, что по дѣйствующимъ законамъ дѣятельность психіатра-эксперта стѣснена соблюденіемъ такихъ судебнно-процессуальныхъ условій, которыя не только затрудняютъ правильное и вполнѣ научное производ-

ство психіатрическої експертизи, но прямо противорѣчать основнимъ положеніямъ психіатрії. Неудивительно поэтому, что психіатру нерѣдко приходится въ силу необходимости уклоняться отъ прямой роли эксперта и разъяснять на судѣ самыя простыя вещи, составляющія азбуку психопатології. Такъ, психіатру въ залѣ суда весьма часто бываетъ необходимо трактовать о томъ, что душевная болѣзнь можетъ быть безъ бредовыхъ идей и безъ галюцинацій, что очень нерѣдко душевно-больные обнаруживаютъ свою болѣзнь не безсмысленными рѣчами, а только странностями своихъ поступковъ; сплошь и рядомъ психіатръ бываетъ поставленъ въ необходимость доказывать судьямъ и присяжнымъ, что больные, находясь подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей или галюцинацій, иногда могутъ совершать ужасныя преступленія, вполнѣ сознавая въ то же время преступность и противозаконность своихъ дѣяній. Между тѣмъ, по смыслу 95 ст. дѣйствующаго Уложенія, судѣ только тогда не вмѣняеть въ вину, когда обвиняемый совершилъ преступленіе, не имѣя понятія о противозаконности и свойствѣ资料 самого дѣянія. Поэтому, если судья будетъ слѣпо придерживаться буквы закона, то нерѣдко можетъ подвергнуть наказанію несомнѣнно душевно-больного, поступки которого были обусловлены болѣзненнымъ состояніемъ, были вынужденные, непроизвольные, а слѣдовательно — невмѣняемые.

Отсюда слѣдуетъ, насколько важно для современного образованного юриста-практика знаніе основъ психіатрії, законовъ психопатології. Только при этомъ условіи онъ будетъ имѣть возможность правильно оцѣнить выводы психіатрической экспертизы и согласовать ихъ съ требованіями закона. Общее правило, что законъ всегда отстаетъ отъ науки и потому всегда имѣеть крупные недостатки. Въ интересахъ истины и правды психіатру на судѣ нерѣдко приходится примѣняться къ требованіямъ закона, подчасъ несогласнымъ съ требованіями науки; равнымъ образомъ и судья долженъ всегда имѣть въ виду недостатки закона и неослабно стремиться къ тому,

чтобы на практикѣ приводить его въ болѣшее согласіе съ данными научныхъ наблюденій: этого требуетъ гуманность, справедливость и, наконецъ, здравый смыслъ.

Извѣстное душевное состояніе, признаваемое наукой болѣзненнымъ, не можетъ считаться нормальнымъ передъ лицомъ закона, и это положеніе юристамъ-практикамъ необходимо усвоить твердо. Только недостаточнымъ знакомствомъ представителей юриспруденціи съ естественно-научными методами изслѣдованія и съ выводами положительныхъ наукъ можно объяснить тотъ фактъ, что суды еще до сихъ поръ ведутъ борьбу съ законами природы, ставя выше и предпочитая имъ законы гражданскіе и уголовные. Пока юристы будутъ поддерживать подобные взгляды, до тѣхъ поръ наше уложеніе о наказаніяхъ всегда будетъ представлять собою лишь „прѣскруантъ преступленій“, какъ удачно выразился по этому поводу одинъ авторъ.

Однако хочется вѣрить, что уже безвозвратно миновало то время, когда суды заботились только о формальномъ составлениі протокола и старались лишь возможно точнѣе подвести каждое данное преступленіе подъ определенную статью закона. Новое плодотворное и гуманное направлениe въ наукѣ уголовного права обязываетъ уже теперь юриста-практика больше задумываться надъ каждымъ преступнымъ дѣяніемъ, глубже анализировать душевное состояніе каждого подсудимаго, а не сваливать все съ такимъ удобствомъ и съ такой простотой на „злую волю“.

Современные наши свѣдѣнія по криминологии убѣждаютъ насъ, что преступленіе не представляетъ собою чего либо случайнаго, необъяснимаго. Преступники---это искусственный продуктъ, результатъ наслѣдственности и ненормальныхъ соціальныхъ условій современной общественной жизни; преступленіе, какъ общественное зло, представляетъ собою явленіе, подчиняющееся принципу каузальности. „Пусть не говорять намъ,—замѣчаетъ Дриль,—что преступленіе есть явленіе, столь же естественное, какъ рожденіе и смерть: это горькій плодъ общественныхъ нестроеній и зла, съ которыми бороться вполнѣ

возможно". А если это такъ, то прямая задача науки изслѣдоватъ законы этихъ явлений, открыть и выяснить причины, ихъ вызывающія. Въ этомъ отношеніи совмѣстная работа юристовъ и врачей можетъ принести сугубо плодотворные результаты. На этомъ благородномъ поприщѣ соединенного научного труда, направленного къ открытию законовъ природы, къ изученію души человѣка, можно достигнуть при дружной работѣ блестящихъ успѣховъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ аббатъ Moreau, духовникъ большой тюрьмы Roquette, что „мы слишкомъ много видимъ виновнаго и недостаточно видимъ больного; мы гораздо болѣе заботимся о томъ, чтобы наказать его, нежели о томъ, чтобы излечить, и послѣ этого мы еще находимъ удивительнымъ, что ненависть наполняетъ его сердце" ¹⁾.

Поэтому не будемъ напрасно клеветать на человѣческую природу, будемъ меныше вѣрить въ зло, а больше придавать значенія болѣзни и невѣжеству: такая точка зреянія и гуманнѣе, и справедливѣе. Въ то же время, придерживаясь этой точки зреянія, мы и въ научномъ отношеніи достигнемъ гораздо большихъ результатовъ. Были времена, когда сотни невинныхъ людей предавались мучительной смерти, благодаря исключительно только невѣжеству и суевѣрью; тогда возводили на костеръ психопатовъ, истеричныхъ, галлюцинантовъ и творили надъ ними судъ во славу Божію, во имя правды и справедливости. Однако наука разсѣяла этотъ мракъ, и только благодаря науки человѣчество теперь спасено отъ ужасовъ пытокъ и инквизиціи. Теперь уже не повторятся тѣ времена, когда тысячи колдуновъ и одержимыхъ подвергались сожженію; прошло также безвозвратно и то время, когда утверждали, что преступныхъ душевно-больныхъ нужно лѣчить на эшафотѣ. А всего этого мы достигли, благодаря успѣхамъ патологической психологіи.

Крайне странно поэому слышать еще въ настоящее время заявленія, что патологическая психологія будто-бы осла-

¹⁾ Moreau. Le monde de prisons. См. Д. Дриль. Психофизические типы.

била силу закона. Я, напротивъ, не колеблясь, хотѣлъ бы утверждать, что новѣйшія завоеванія психопатологіи могли только способствовать прогрессивному развитію законовѣднія и содействовать правильному примѣненію закона къ практическимъ потребностямъ жизни. Успѣхи патологической психологіи въ значительной степени упрочили и утвердили тѣ гуманные, разумные принципы, которые легли въ основу современныхъ законоположеній и благодаря которымъ наши законы по праву пользуются такимъ незыблымъ авторитетомъ. Психопатологія, слѣдовательно, не могла ослабить силы закона, а, наоборотъ, только способствовала еще большему поднятію его авторитета.

Пусть юристы-судьи ратуютъ за расширение своихъ полномочій, пусть они отстаиваютъ свои права, пусть защищаютъ неприкосновенность вѣренной имъ власти: этого требуетъ отъ нихъ сознаніе долга, который побуждаетъ представителей правосудія всегда стоять на стражѣ закона. Но и мы, врачи, въ такой же степени обязаны слѣдовать указаніямъ нашей науки, мы также призваны проводить въ жизнь трезвые взгляды и устанавливать разумные научные принципы: къ этому обязываетъ насъ данная передъ факультетомъ клятва, этого требуетъ отъ насъ наша совѣсть, къ этому побуждаетъ насъ чувство святости нашего призванія.

